

УДК 7.011: 130.2

Гордин Л. Я., Проценко О. П.

*Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры*

ИСКУССТВО В ТРАНСЛИРОВАНИИ МОРАЛЬНО ЦЕННОГО

Гордин Л. Я., Проценко О. П. Искусство в транслировании морально ценного. В статье реконструируется опыт осмысления видового многообразия искусства и его места в транслировании феноменов морали на примере дискурсивных практик театра, кино, поэзии. Этим видам искусства в большей степени удастся значительно повысить градус морального, поскольку они владеют широким спектром вербальных и визуальных средств, способных воссоздавать морально ценное. Показано место искусства в духовной культуре современного общества, в расширении аксиосферы сегодняшнего дня. Обращается внимание и на позицию, согласно которой искусство свободно от демонстрации ценностей морали и, более того, от продвижения и провозглашения морально необходимого. В статье утверждается, что обозначенные разночтения скорее взаимодополняют, чем противоречат друг другу.

Ключевые слова: искусство, мораль, ценность, личность, художественное творчество, культура.

Гордін Л. Я., Проценко О. П. Мистецтво в транслюванні морально цінного. В статті реконструюється досвід осмислення видового різноманіття мистецтва та його місця у транслюванні моральних цінностей на прикладі дискурсивних практик театру, кіно, поезії. Цим видам мистецтва більшою мірою вдається значно підвищувати градус морального, оскільки вони володіють широким спектром вербальних і візуальних засобів, здатних відтворювати морально цінне. Показано місце мистецтва в духовній культурі сучасного суспільства, в розширенні аксіосфери сьогодення. Звертається увага і на позицію, згідно з якою мистецтво вільно від демонстрації цінностей моралі і, більше того, від просування і проголошення морально необхідного. У статті стверджується, що позначені різночитання скоріш взаємодоповнюють, ніж суперечать один одному.

Ключові слова: мистецтво, мораль, цінність, особистість, художня творчість, культура.

Gordin L., Protsenko O. The Art in Broadcasting of Moral Assets. The article reconstructs the experience of understanding the diversity of types of art and its place in the broadcasting the phenomena of morality by the example of discursive practices of theater, cinema and poetry. These arts have more opportunities to increase significantly the degree of morality, since they possess a wide range of verbal and visual tools able to recreate moral assets. The article shows the place of art in the spiritual culture of modern society, in nowadays axiosphere expansion. It also draws attention to

the viewpoint, according to which art is free from the demonstration of morality values, and moreover, it is free from the promotion and proclamation of moral necessities. The article states that marked discrepancies are rather complementary than contradictory.

Keywords: art, morality, values, personality, artwork, culture.

Постановка проблемы. Соотношение искусства и морали относится к извечным в социогуманитарном знании проблемам и имеет, по крайней мере, не одну позицию в интерпретации. Наиболее распространенная из них свидетельствует, что произведения искусства, безусловно, заключают в себе потенциал морали, как некий «порядок сердца» (Паскаль), что позволяет рассматривать искусство важным просветительским и воспитательным механизмом. Существует также точка зрения, что декларирование искусством морали происходит лишь через конкретные его виды и формы. В границах некоторых видов искусства и отдельных его произведений не просто возможна, но и оптимальна взаимозависимость между художественным образом как формой и моралью, как его содержанием. Следует обратить внимание и на позицию, согласно которой искусство свободно от демонстрации ценностей морали и, более того, от продвижения и провозглашения морально необходимого. Обозначенные разночтения скорее взаимодополняют, чем противоречат друг другу.

Актуальность выбранной темы обусловлена появлением новых ресурсов как искусства, так и морали в расширении аксиосферы сегодняшнего дня. Этому способствуют информативно-коммуникативные процессы, под влиянием которых находятся указанные феномены. Искусство расширяет свои функциональные возможности благодаря новым видам и художественным практикам, а мораль, напротив, ограничивает свой нормативно-регулятивный и эмоционально-чувственный потенциал. Под влиянием торгово-коммерческих стратегий рыночной экономики и манипулятивных технологий современных средств массовой информации она уступает порой утилитарно-прагматической мотивации.

Анализ последних исследований и публикаций. Степень научно-теоретического осмысления поставленной в статье проблемы достаточно высока, как с точки зрения ее исторического развития, так и с точки зрения современного состояния. Среди наиболее значимых позиций стоит упомянуть и философов античности (Аристотеля, Платона), и философов эпохи Просвещения (Б. Паскаля и Ж.-Ж. Руссо), и представителей немецкой классической философии И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте. Среди современных нам мыслителей к вопросам соотношения морали и искусства обращались Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, В. Толстых, В. Бычков. Не ослабевает интерес к анализу единства этического и эстетического представителей украинской фило-

софской мысли. Так, в трудах М. Братерской-Дронь рассматриваются возможности искусства кино в освещении моральной проблематики, в частности, те понятия и категории этики, к которым наиболее часто обращаются в своих фильмах сценаристы и режиссеры. А. Залужная исследует присутствие этического и эстетического как обязательных компонентов входящих и создающих жизненный мир человека. Исследования Н. Жуковой интересны вниманием автора к морально-этическим проблемам современной литературы. Анализу видовой специфики современного искусства посвящены труды С. Холодинской.

Имеющейся научно-теоретического потенциал исследований соотношения искусства и морали в духовной сфере общества и индивидуальной жизни человека определил **цель статьи**. Последняя связана с аналитическим интересом к возможностям искусства обозначать, выражать и продвигать морально ценное в условиях, когда явления масс-культуры в широком и художественного творчества в узком смысле могут быть по отношению к гуманистическим тенденциям социума нейтральными и даже деструктивными.

Изложение основных результатов исследования. Искусство, как и мораль, относятся к сложным и неоднозначным явлениям общественной жизни людей. Не претендуя на их универсальную дефиницию, главное состоит в том, что они в своем обретении новых смыслов, значений исторически конкретны. По вариативности и доминированию в своем пребывании в духовном бытии социума они далеко не самостоятельны, не существуют «сами по себе». Зависимость и контекст выражают особенность их состояния в системе и конгломерате объективных факторов, начиная с экономики и заканчивая идеологией, и субъективных, как то мировоззрение рядового гражданина или творческий потенциал личности, автора, художника. Вместе с тем, искусство предметно-вещественно, материально, а потому явно, фактично и эмоционально насыщено. Именно эта его особенность способна впечатлять, взывать, заставляет наблюдателя находиться рядом, уподобляться, подчиняясь смысловому призыву, желать быть в том настроении, образе и в той перспективе, которую изобразил или воссоздал художник.

Вместе с тем, воссоздание морального средствами искусства связано с многогранностью и неоднозначностью природы самой морали, которая включает в себя чувственно составляющую (совесть, стыд, доверие и пр.) а также рациональную (норму, принцип, идеал), находящих себя через поступок, поведенческий стереотип в дихотомии добра и зла, добродетели и порока. Мораль манифестирует себя в интимном и публичном, личном и общественном, выражаясь при этом и фрагментарно, и событийно. Визуализации и материализации моральные ценности поддаются и не поддаются.

Вот здесь и находит себя искусство, поскольку только на уровне художественного творчества, где слиты воедино в деятельности автора, творца сознательное и бессознательное, оказывается-таки возможным всецело выразить то, что, казалось бы, не поддается никакому выражению (муки совести, преданность, достоинство, раскаяние и т. д.).

В связи с трансляцией морально ценного сегодня имеет смысл обозначить, по крайней мере, два способа, которыми владеет искусство: дискурсивный и недискурсивный. Те виды искусства, которые связаны со словом, изложением, речением играют определяющую роль в подаче морально ценного, подводя его под конкретный поступок, поведенческий стандарт, личностный стереотип, ритуал, делая его «непотопляемым бытием» (М. Хайдеггер). В большей степени это удается полифоническим искусствам, таким как театр, кинематограф, телевидение с его, например, сюжетами социальной рекламы с заботой о близких, предупредительностью по отношению к коллегам, любовью к животным. Главной же чертой театра и кино является особый художественно-видовой синтез, который, объединяя пространство, время и художественный образ, позволяет оригинально представить добродетель, характер или нрав человека, моральную атмосферу общества в целом.

В транслировании морально ценного уникальна миссия театра, поскольку именно он способствует тому, чтобы воочию представить ситуацию тотального выбора как волеизъявление, свободное решение, которое объемлет не только мораль, но и вместе с ней всю человеческую жизнь целиком. (Ж.-П. Сартр). Если театр наделяет моральное театральностью, декларирует и декорирует моральное, придавая ему несколько нарочитую форму выражения, то кино максимально приближает художественный образ, воссоздающий моральное, к реалиям жизни. Даже, если кино и «придумывает» моральный или аморальный сюжет, то делает это настолько правдиво, что порой может показаться, что отсутствует грань отделяющая искусство от действительности. Здесь мораль предстает реально, живо и главное доступно, освобождаясь от нудного наставничества или уничижительного назидания.

Среди видов искусства, которые основываются на дискурсивности в транслировании морально ценного, поэзия занимает особое место. На первый взгляд может показаться, что мораль и поэзия далеко стоят друг от друга. Однако, анализ места как поэзии, так и морали в духовной сфере социума и душевном мире человека, обнаруживает их взаимовлияние. Поэзия способна только ей присущими средствами выразить моральное, манифестировать моральное как высшую ценность, провозглашать моральное в качестве непреложного принципа жизни. Эта проблема остается актуальной и в условиях современного общества с его перераспределением акцентов в ценностных предпочтениях людей. «Поэзия, — как

писал Гегель, — была всеобщей и распространеннейшей наставницей человеческого рода, да и остается ею поныне» [2: 355] Именно она, «высказывая дух», способна передавать субъективный внутренний мир человека. Гегель утверждает, что в поэзии звук становится словом, а слово из самоцели превращается в духовное выражение [2: 346].

Мораль находит в поэзии словесную форму своему содержанию, моральные требования обретают в поэзии лингвистическое выражение. В чувственном мире поэта ее ценностно-нормативный потенциал приобретает конкретные мотивы действий, складывающиеся в поведенческие ориентиры. Заключение в лаконичные фразы, обогащенные интонационным строем речи, феномен морального обретает объективную событийность. Все многообразие бытия морали в поэтическом произведении становится легко уловимым для понимания и сопереживания.

Уделом морали в большей степени по сравнению с другими видами поэтического творчества становится лирическая поэзия. Лирика здесь не только род поэзии, но и сама поэтизация, связанная с чувством воодушевления. Лирическое отстоит от логической обоснованности и отдает предпочтение стихии эмоций. Используя непривычные для обыденного речения словесные обороты, лирика отказывается тривиальному. Возведенное к языку стиха старое обновляется, распространенное становится исключительным, привычное — значительным. По мнению Й. Хейзинга, язык лирики является языком «мистического философствования, оракульского вещания, колдовства. В этих формах поэт испытывает сильнейшее чувство вдохновения, приходящее к нему извне. Здесь он ближе всего к высшей мудрости, но и к бессмыслице» [7: 163]. Субъективный мир поэта, отражаясь в его поэтических произведениях, обретает публичность, а, значит, и возможность иметь сторонников или противников в своих духовных исканиях. Так, поэзия заключает в себе, по словам Ж. Маритена, уже «не благо человеческой воли, но благо самой продуцируемой вещи» [4: 172]. Домен искусства и домен морали, согласно его мнению, сложны и неоднозначны в своем взаимодействии. Миры их автономны и соподчинены одновременно. Воссоединяясь, искусство и мораль наделяют произведение и художественным достоинством, и моральной ценностью. Моральная ценность произведения — результат свободного выбора поэта, результат его реализованной искренности и откровенности. Максима его воли, заключенная в стихе, как стремление к моральному факту восходит порой к универсуму морали. «В искусстве, как и в морали, должное не зависит от нашего произвола», — пишет Х. Ортега-и-Гассет. И продолжает: «<...> остается подчиниться тому императиву, который диктует нам эпоха» [5: 236]. Однако, это вовсе не означает, что искусство в своих художественных произведениях всегда находит широкий

круг читателей и получает заслуженную объективную оценку современников или представителей последующих поколений. По замечанию Х. Ортеги-и-Гассета, как раз новое искусство не обладает общечеловеческими средствами выразительности, а потому оно «предназначено не для всех людей вообще, а только для немногочисленной категории людей, которые, может быть, и незначительнее других, но явно непохожи на других» [5: 233].

Главная ценность поэтического произведения — представление поэта о моральном благе, динамизм жизненной силы и поэтический опыт, который Ж. Маритен трактует, как «собранность души в ее средоточии, где мир и субъективность познаются в единстве неким потаенным, непонятным путем» [5: 194.] Поэтический опыт обеспечивает возможность поиска художественной формы любой мыслительной конструкции, которая отягощена этическим дискурсом. Слова фиксируют факт морали, фразы — ее принципы, требования, оценки, произведение в целом может заключать в себе смысло-жизненные искания и глубинные моральные переживания. Для поэта важна та реальность, которая пробуждает в нем переживание, все то, что переходит в плоскость его душевных сил.

Примером наполненности стиха моральным содержанием может быть творчество поэта М. Цветаевой. Лирика М. Цветаевой одухотворена, пронизана устремленностью к возвышенному. Моральная компонента, именуемая максимой, имманентно присуща ее поэтическому творчеству. Понятие «максима» занимает особое место в практической нравственности. Со стороны этического дискурса максима есть некое правило (установка, принцип, сентенция), которое связано с личностным восприятием мира, с субъективным изъяслением воли.

Максима становится главным в устремленности к действию, поступку, образу и стилю жизни. Кроме того, духовный феномен, заключенный в максиме, декларируется однозначно, бескомпромиссно, в высшей степени категорично — так и не иначе. Декларации моральной максимы способствует стилистика текстов стихов Цветаевой с их лаконичностью, телеграфной четкостью и конкретностью, как бы, не позволяющей усомниться в ее позиции, задуматься, помедлить. В максиме, согласно учению И. Канта, присутствует скорее эмоциональное переживание, чем рациональное обоснование. Она ближе к неповторимым реалиям жизни человека, чем абстрактное предписание в виде закона, и является уникальной индивидуальной формой постижения общественного должноствования [3: 236–237].

Мысли, изложенные М. Цветаевой в стихах, диалогичны. Они направлены на собеседника, на Другого — «что до собственной мне жизни? // Не моя, раз не твоя». Более того, именно Другой определяет нацеленность действий, характер поступков, диктует правила жизни, наделяет их значимостью.

Правила жизни, если они основываются на моральной устремленности, конкретно определены и даже ригористичны. Моральный максимализм Цветаевой исключает не просто разумность, здравый смысл, но даже какую-либо вариативность. Устраняется мера, промежуток, уступка: «Гляжу на след ножовый: // Успеет ли зажечь / До первого, чужого, который скажет: “Пить”». Стихи пронизаны переживаниями по поводу моральной обязанности человека перед человеком — своим, родным, а скорее чужим.

Отстаивая принцип взаимопомощи, взаимовыручки, она доводит его до предельного основания, который применительно к эмпирическим ситуациям приобретает альтруистический смысл, граничащий с жертвенностью в ее высшей степени — самоотдачей. В этом нет ничего удивительного, поскольку одухотворенность в собственном ее смысле связана с обращением человека к высшим ценностям, с непреодолимой и постоянной заботой, тягой к усовершенствованию самого себя и мира. Одухотворенность противоречит умеренности, однообразию, эмпиричности. И одухотворенность как продукт духовности «инобытийна» обыденности, повседневности, противоречит им <...>» [1: 60]. В своей жизни поэтесса стремилась к возвышению над действительностью, благодаря мечте, вымыслу, романтическому преувеличению, часто уходила в прошлое культуры, примеряла к настоящему библейские сюжеты, поступки героев мифов и сказаний. Категоричность моральных суждений в стихах М. Цветаевой поражает тем, что в них видится безусловное служение моральному благу.

Размышляя об этической направленности искусства, писатель и философ А. Ренд уделяет большое внимание романтическому искусству. Именно оно, по мнению А. Ренд, способно манифестировать моральные ценности через художественный образ, заключающий в себе субъективное ощущение жизни его создателя, автора, творца. «Искусство, — утверждает она, — не единственный источник нравственности для человека, но единственный источник нравственного ощущения жизни» [6: 145].

Романтическое искусство способно впечатлять, поскольку отражает мораль не в теоретическом изложении и не формальном перечислении одобряемых в обществе норм, принципов, добродетелей, а создавая целостный притягательный личностный образец, который влияет на внутренний мир человека: на его представление о смысле жизни и счастье, на формирование морального идеала. Ощущение жизни как спонтанная неоформленная эмоция — это первый шаг и в постижении эстетической ценности, ведущей к абстрактному моральному концепту.

Вывод. Искусство в своем видовом многообразии было и остается оригинальным способом воплощения и продвижения не только эстетических ценностей, но и этических, благодаря чему явля-

ния моральной жизни обретают художественную форму. Искусство способствует появлению особого ощущения жизни, возвышенного, способного значительно повышать градус морального в жизненных устремлениях людей. В большей степени воссоздать моральное удастся тем видам искусства, которые владеют широким спектром вербальных и визуальных средств, способных не просто представить систему устоявшихся моральных норм, одобряемых поступков или добродетелей, но и впечатлять соответствующими художественными образами, рождать эмоцию заинтересованности, признания и сопричастности.

Литература:

1. Апресян Р. Г. Одухотворенность / Р. Г. Апресян // Человек. — 1996. — № 4.
2. Гегель Г. Эстетика: в 4 т. / Г. Гегель; пер. с нем. — М.: Искусство, 1971. — Т. 1.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. — М.: Мысль, 1963. — Т. 6. — С. 236–237.
4. Маритен Ж. Ответственность художника / Ж. Маритен // Самосознание европейской культуры XX века. — М.: Политиздат, 1991.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет // Самосознание европейской культуры XX века. — М.: Политиздат, 1991.
6. Ренд А. Романтический манифест: Философия литературы / Айн Ренд; пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2011.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; пер. с нидерл. Г. Тавризян. — М.: Прогресс, 1992.